

какое из этих отношений будет доминирующим в "жизни" произведения решат обстоятельства места его присутствия и потребности использования его данным человеком или группой людей.

Ценности мотива творческой деятельности обусловлены чертами обстоятельств и условий деятельности, но атрибутивное содержание мотива обладает сильной детерминацией, которая настолько сильно определяет аксиологический облик цели продукта, что "очерчивает" полезные качества, возможности применения, прагматический статус продукта. В общем можно сказать, что содержание мотива творческой деятельности свидетельствует о логичности мышления и рациональности его реализации. Примером присутствия в содержании мотива этого рода могут служить познавательный скептицизм, критицизм, понятийные абстракции, процедуры идеализации, аппликации конкретизации. Содержание мотива не должно выражать "новое", но должно выражать "иное", иную идентичность, инаковость, возможную в границах логической правильности, корректности, а также рациональности деятельности. Логичность содержания мотива содержит в себе силу категорического исполнения, с тем лишь ограничением, что для проявления этой категоричности в акте творческой деятельности необходимо присутствие ценностей, адекватных этому содержанию. Такими ценностями могут выступать, например, объективность, адекватность, непротиворечивость, когерентность, учтивость, альтернативность. Вне этого аксиологического контекста нельзя рассматривать деятельность как творческую, поскольку в таком случае отсутствуют предпосылки содержания, выделяющих инаковость мотива по отношению к уже существовавшему содержательному контексту. Это благодаря ценностям происходит "слом" стандартов, рутины, прочности существовавших прежде значений. Творческая деятельность локализуется в субъективных переживаниях человека, рациональных в познавательном смысле и эмоциональных в смысле выражения эстетических переживаний. В наиболее "чистом" виде процесс творения проявляется в познавательной и художественной деятельности (наука и искусство), поскольку в этих областях психической деятельности (интеллектуальной и эмоциональной) человек генерирует возможные продуцируемые смыслы значений как абстракции.

Аксиология творческой деятельности может рассматриваться как в понимании субъективных предпосылок этой деятельности, так и в понимании объективного выражения как результата деятельности. Рассмотрение субъективных ценностей является фундаментальным основанием для дальнейшей рефлексии над присутствием объективированных ценностей. Творчество – это процесс, мотивированный прагматическими ценностями, которые могут утратить этот характер в опредмеченном произведении, само существование которого обусловлено прагматической полезностью произведения как

реализацией потребности. Реализация потребностей с помощью продукта человеческой деятельности является повсеместной идентификацией присутствия ценностей в этих продуктах. Поддающийся измерению результат применимости продукта повсеместно признается как ценный. Это функциональный результат, а не свойство продукта быть ценностью. Этот результат является предпосылкой (одной из многих) для создания у субъекта творческой деятельности комплекса аксиологического функционирования.

Субъективная деятельность оговоренного выше характера не исчерпывает богатства функциональной роли ценностей в деятельности человека, ограничения присутствуют лишь в конструктивной деятельности, понимаемой в инструментальном смысле, как создающей "нечто иное" из уже существующих элементов. Такая деятельность носит инвариантный или новационный характер, ее результатом является повсеместный прагматизм потребительского использования продуктов этой деятельности. Ценности в этих продуктах определяются в зависимости от потребительского результата и носят прагматический характер. Валоризация этих ценностей объективирована возможностью параметрического их измерения согласно величин. Это очень важное понимание результата человеческой деятельности, но внеаксиологическое. Деятельность не подчиняется критерию величин, а лишь оценкам, которые содержат сглаженность значений, неопределенность сущностей, субъективность пониманий. Творчество и его оценка – это два облика риска человеческой отваги. Можно ли и каким образом оценивать творчество? Людям было бы проще жить, если бы они не оценивали творчество, но в этом случае какие иные, если не измеряющие, критерии валоризации продуктов человеческой деятельности могли бы использоваться? Человек осознает, что не все можно измерить, при этом он не лишен сомнений при совершении акта оценки. Следует также помнить, что нельзя избежать оценки, причем этому процессу не всегда сопутствует понимание ее сущности и значения, чаще всего здесь присутствует верная интуиция.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kocowski T., Tokarz A., Prokreatywne i antykreatywne mechanizmy aktywności twórczej, w: Tokarz A. (red.). Stymulatory i inhibitory aktywności twórczej. Warszawa 1991.
2. Kozielski J., Twórczość i rozwiązywanie problemów, w: Materska M., Tyska T. (red.). Psychologia i poznanie. Warszawa 1992.
3. Madsen K.B., Współczesne teorie motywacji. Naukownawcza analiza porównawcza. Warszawa 1998.
4. Nęcka E., Trening twórczości. Olsztyn 1992.
5. Suchodolski B., Twórczość jako styl życia. "Studia filozoficzne" nr 10-11, 1975.

УДК 316

Шебанова И.А.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПРИНЦИП ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Модель – это момент научного знания, описывающего на специальном языке реальное явление действительности.

Научное познание движется от абстрактных моделей изучаемой реальности к подлинной объективной реальности. Объект рассматривается и объясняется в соответствии с принятыми исследовательскими установками. В процессе науч-

ного познания приходится постоянно работать с моделями: идеальными и материальными, абстрактными и предметными и т.д. Эффективность и значимость получаемых знаний зависит от четкого соблюдения правила моделирования: установления соответствия оригинала и модели, а также учет всех субъективных исследовательских привнесений в ходе интер-

Шебанова Ирина Александровна. Ст. преподаватель каф. философии и культурологии Брестского государственного технического университета, кандидат исторических наук.
Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

претации полученных результатов.

Разработки, осуществленные в области системного анализа, дали следующий результат: «при всем невообразимом многообразии реальных систем принципиально различных типов моделей систем очень немного: модель типа «черный ящик», модель состава, модель структуры, а также их разумное сочетание, и, прежде всего, всех трех моделей, т.е. структурная схема системы. Это относится как к статическим моделям, отображающим фиксированное состояние системы, так и к динамическим, отображающим характер временных процессов, которые происходят с системой».[1, 92].

Моделирование может предполагать разные подходы и схемы: математизированные, дедуктивные и др.

Математизированная модель замещает и представляет реальный объект в идеальном виде с помощью формализованных математических методов. Но максимальная сложность социальных объектов делает невозможным их полное описание. Гаврилов О.А. в кн. «Математические методы и модели в социально-правовом исследовании» – указывает на следующие положения:

«1 – нельзя построить универсальную математическую модель, описывающую развитие социальной системы во всем ее многообразии;

2 – можно говорить только о частных моделях, описывающих отдельные тенденции социального объекта в идеализированных условиях;

3 – математическим моделям социальных процессов нельзя придавать такой же безусловный характер, как, например, законам физики;

4 – математические модели, понимаемые в кибернетическом смысле, могут претендовать на то, чтобы повысить в какой-то степени уровень понимания изучаемого явления».[2, 28]

Математическое моделирование не всегда способно количественно отразить качественные социальные параметры и усложняет интерпретацию по отношению к изучаемой социальной реальности.

Описательная статистическая модель ограничена специфическими параметрами, и тогда динамика остается за пределами изучения, что снижает практическую и научную значимость прогнозов.

Для избежания отрыва абстрактной модели от реальной ситуации необходима связь теоретического знания с метатеоретическими основаниями, а также использование экспериментальных данных, полученных в ходе эмпирических исследований. Такой подход, о котором говорил Степин В.С., и применяемый им для физической теории, применяется Лапиной С.В. и для социологического познания. [3] Он позволяет понять общие для всего научно-теоретического познания закономерности, представляя процесс восхождения от абстрактных моделей к изучаемой реальности.

Теоретические модели, отображаясь на картину мира, дают онтологическое обоснование теории и составляют эмпирическую проекцию модели. «Строение и функционирование теории... выступает не как простое описание опытных данных, а как процесс дедуктивного и генетически конструктивного развертывания «теоретических схем», являющихся абстрактными моделями изучаемой реальности. Содержательное же наполнение базисных теоретических схем происходит за счет тех представлений, которые содержатся в научной картине мира, и в тех реальных опытных данных, получение которых возможно на конкретном этапе развития науки и предусматривается принятыми на этом этапе нормами и идеалами научно-исследовательской деятельности». [3, 64]

Таким образом, моделирование объекта, обладающего свойством целостности, есть его отражение в терминах системной методологии.

Смоделировать социальную структуру – значит выделить определенные элементы социальной системы (слои, группы, общности), а также их взаимоотношения.

Так как социальные объекты представляют собой определенную систему, для исследования стабильности того или иного социального объекта необходимо определить функции каждого структурного элемента, моменты управления ими. Но модель будет более действующей, если суметь в ней учесть и ввести не только все слои (структурные элементы), но и внутреннюю динамику системы.

Если модель должна учитывать динамику взаимоотношений структурных слоев, то необходимо создать сеть исследования взаимоотношений между слоями, обеспечивающими (динамику) функционирование и развитие системы, и таким образом вскрыть, когда и как разворачиваются подобные взаимоотношения, которые могут привести к сменам внутри слоя, а далее к изменению всей системы исследуемого объекта. Такое моделирование требует перехода на другой уровень сложности и иногда такое исследование бывает невозможным в рамках одной модели.

В любом случае, моделируя социальный объект, следует учитывать, что любое общество есть само по себе динамичная система. Она состоит из структурных слоев, из индивидов и еще следует учесть фактор управления такой системой. Управление может не изменять функционирование различных слоев системы, а может оказывать существенное влияние, которое может привести к изменению либо какого-нибудь структурного элемента системы, либо привести к изменению всей системы. До недавнего времени социология изучала внешние проявления спонтанных социальных порядков, отмечая эластичность естественных социальных систем, цикличность изменения основных параметров, необратимость и непредсказуемость многих аспектов поведения этих систем. Все большее внимание социологов привлекают синергетические модели. (Пригожин.И., Стенгерс И., Луманн Н., Матеран У.)

Возможно, главной целью создания модели социального объекта является прогнозирование его поведения. Для этого требуется более сложный уровень моделирования по сравнению со стабильными моделями.

Чтобы прогнозировать динамику системы необходимо объективно проследить, что приводит к изменению моделируемого объекта:

- изменение окружающей среды (если объект не реагирует на изменившиеся факторы, которые порождает новое окружение, то объект перестает выполнять соответствующие окружению функции);
- изменение самого объекта, когда новые технологии порождают новые профессии, новые слои, которым нет места в старой системе. Новые слои бывают способны более эффективно выполнять функции некоторых старых слоев, что приводит к необходимости отмирания старого, как паразитирующего, высасывающего ресурсы социального объекта. Отсутствие реальных прав и места у новых слоев и наличие таких прав и места у отживших, приводит к невозможности устойчивого состояния объекта, и он рано или поздно должен измениться или отмереть. Новые слои либо разрушают старый объект, либо перестраивают его, либо начинают строительство нового.

Наиболее оптимальным является создание такой модели, которая бы вмещала всю структурную сложность объекта, обеспечивающую стабильное функционирование всей системы, а также динамику и взаимодействие как внутрисконструктурных слоев и элементов, так и воздействие изменяющейся среды, не обходя вниманием возможности управленческого фактора. Такая модель бы полностью представляла функционирующую и взаимодействующую систему моделируемого объ-

екта и демонстрировала тенденции ее развития. Но такое моделирование является крайне сложным.

М. Кожаринов рассматривает моделирование в социологии как моделирование структуры общества и динамики изменений общества. Такая модель должна быть динамичной, вскрывать противоречия, открывая закономерности, обогащая опыт. По его мнению, социальное моделирование открывает «гигантский простор для глубокого уровня мастерского творчества». Представляется интересным попробовать промоделировать некоторые альтернативы в истории, так и не имевшие места в реальности, попробовать своего рода социальные эксперименты, открывающие роль определенных факторов и закономерностей в историческом процессе. Интересно попробовать фантастические модели, различные варианты будущего каких-либо социальных объектов, попробовать наметить проблемы, социальные противоречия, способные возникнуть в процессе развития. Освоение таким видом социального моделирования выглядит очень заманчиво и, безусловно, будет полезно, но пока перспективы освоения им на высоком прогностическом уровне представляются несколько фантастично.

Не вдаваясь в сложный анализ можно указать на следующие сложности.

- «Эффект Эдипа»- самоосуществление или, напротив, саморазрушение прогноза действиями на его основе. Получается очередное предугадывание.
- Проблемы возникают при проведении границы между системой и средой. Существует свойство, которое называют операциональной замкнутостью. «Система воспринимает и усиливает что-то незначимое с нашей точки зрения и игнорирует то, что мы считали входным сигналом, проявляет внутреннюю детерминацию, следует собственным законам. Входной толчок может запустить цепь рекурсивных изменений, но их итог зависит не от входа, а от внутренних связей и свойств системы, которые тоже могут меняться».[4, 9] «Рекурсивное взаимодействие подсистем создает устойчивый динамический ландшафт, называемый в синергетике аттрактором». [5,64]
- Но любая социальная модель предполагает взаимоотношения не просто статичных компонент и даже не двух-трех динамичных элементов, а огромное количество действующих (порой второстепенных) факторов, оказывающих более или менее результативное воздействие на всю систему. (Как здесь не вспомнить А.Смита, который писал о «невидимой руке», превращающей хаос рыночной площади в порядок.) Если в поле внимания исследователя будут только главные факторы, то в какой-то момент модель может стать недееспособной, так как не учтена динамика остальных компонент. Следовательно, чем больше объективных факторов (все или большинство) учитывает модель, тем правильнее будет выделение закономерностей его функционирования и развития.
- Обязательным для исследователя является критическое использование моделей, работающих применительно к определенным социально-историческим условиям. Специфичность таких моделей способна затушевывать наблюдаемые тенденции, то принципиально новое, что собственно и является интересным. «В результате стремление исследователей показать трансформацию общества оборачивается полной противоположностью: они по сути стараются показать, что новые процессы – это лишь вариации тех, что уже описаны классиками». [6, 28]
- Необходимо учитывать и субъективное рефлексирование исследователя. И трудность не только в учете мировоззренческих и методологических установках субъекта. Особый вид неопределенности возникает, когда наблюдатели являются одновременно и объектами наблюдения и участниками. Дж. Сорос, анализируя этот феномен применительно к финансовым рынкам, назвал его теорией

рефлексивности. В отличие от изучений явлений природы социологическое наблюдение может включать восприятие реальности, действия на основе этих восприятий и вновь восприятие. Как у В.Франкла: «Я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и меняюсь в соответствии с тем, как я поступаю». [7] Возникает так называемая рефлексивная петля. Мышление участников влияет или даже искажает точную картину ситуации. Нередко, учитывая этот факт, срывают и предельно затуманивают прогнозы.

И.В. Бестужев-Лада, продолжая подход «технологического прогнозирования» западных футурологов Б.Де Жевенеля, Д.Белла, предлагает конструктивно учитывать рефлексивную петлю: «...не «что будет», а «что может произойти при наблюдаемых тенденциях, и что надо сделать, чтобы произошло возможно более желательное». (8, 37)

Все наши модели уступают по сложности реальному миру. Может поэтому чаще говорят не о прогнозе, а о распознавании направления к конкретному будущему, ради принятия мер, поддерживающих желательные тенденции и препятствующих негативным. Это и называют эволюционным подходом к управлению.

Как известно, сложные системы неразложимы. Целое не является суммой частей. Главные свойства системы, определяющие идентичность и целостность, не присущи никакой из ее составляющих, не выводятся из свойств частей, а возникают от их соединения. Такое свойство систем называют эмерджентностью. «Эмерджентность мы назовем, - пишет В.Е.Хиценко, - первопорядковой проблемой сложных систем, она на поверхности и осознана давно». [9, 65]

Социальный объект всегда представляет систему. Если все возможные проявления системы сводятся к сумме проявлений ее компонент, то такая система является простой, несмотря на то, что число ее компонент может быть велико. Для исследования таких систем используются методы анализа (последовательное расчленение системы на составляющие элементы и их моделирование). В таких случаях предсказание поведения системы дается с помощью математического моделирования.

Но при объединении элементов в сложноструктурную социальную организацию возникают качественно новые свойства, которые не могут быть установлены посредством анализа свойств компонент.

Для получения адекватных характеристик в случаях, когда вычленение либо добавление компонент приводят к возникновению качественно новых свойств (модели сложных систем), используют синтетические модели.

В настоящее время в науке присутствуют две тенденции. Во-первых, материальный эксперимент все чаще замещается экспериментом на моделях. Если раньше теории могли строиться только на основе открытия некоего порядка, присущего объектам, то теперь существует возможность моделирования без выхода к каким-либо реальным явлениям и процессам, т.е. компьютерное моделирование социальных и др. процессов.

Во-вторых, процесс верификации гипотез все чаще замещается процессом фальсификации. Если раньше достаточным аргументом против теории считались противоречащие ее положениям данные опыта, то теперь лишь изобретение альтернативной модели может служить аргументом.

Говоря о научных новациях, нельзя забывать о массе существующих параллелей с классической социологической наукой (опирающейся на опытные, экспериментальные данные), а также и метатеоретические основания (картины мира, идеалы и нормы познавательной деятельности, философские обоснования), что позволяет признать возможность и допустимость разнотипных подходов в современной науке.

Для того чтобы моделирование как общенаучный и метатеоретический принцип в социологическом познании реали-

зовывался в полной мере, необходимо, более чем в других сферах коррелировать объект и субъектные составляющие, социокультурные, социально-исторические и субъективные параметры, пронизывающие всю систему научно-познавательной деятельности в социологии.

«Принцип моделирования, устанавливающий взаимодозначное соответствие между объектом научного познания и субъектными основаниями научно-познавательной деятельности, как нельзя более соответствует специфике социологического познания, а через нее – и современному научному познанию». [3, 87]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М. 1989.

2. Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980.
3. Лапина С.В. Социологическое познание. Мн. «Беларуская навука», 1998.
4. Хиценко В.Е.. Несколько шагов к новой системной методологии.// СОЦИС. 2001. № 3.
5. Хиценко В.Е. Можно ли организовать самоорганизацию?//СОЦИС.1993.№8.
6. Щербина В.Н. Сетевые сообщества в ракурсе социологического анализа. Бердянск. БГПИ, 2001.
7. В.Франкл. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
8. Бестужев-Лада И.В. Методика долгосрочного упреждающего анализа данных в технологическом прогнозировании// СОЦИС. 2000.№ 1.
9. Хиценко В.Е. Можно ли организовать самоорганизацию?//СОЦИС. 1993.№8.

УДК 947.084.8 (476)

Ковалёва Н.Н.

РИТМЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ

Лучшего понимания национальной истории в контексте мирового исторического процесса можно добиться только определяя время приобщения конкретного народа к достижениям общечеловеческой цивилизации и его вклад в формирование её ценностей. Ни марксистская формационная концепция (равно как и другие формационные концепции (П.Сорокина, Н. Бердяева, Д. Белла, Ф. Броделя), ни цивилизационная концепция (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби) не позволяют решить эту проблему. Российский учёный Ю.В. Яковец предлагает делить историю на циклы разной длительности — мировые цивилизации. По его определению, «мировая цивилизация — этап в истории человечества, характеризующийся определённым уровнем потребностей, способностей, знаний, навыков, интересов человека, технологическим и экономическим способом производства, строем политических и общественных отношений, уровнем развития духовного воспроизводства». [1, 41] Автор выделяет семь мировых цивилизаций (неолитическая, раннеклассовая, античная, средневековая, преиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная). Использование данного подхода для изучения истории Беларуси, по нашему мнению, позволит преодолеть искусственный разрыв в изучении всемирной и отечественной истории.

Естественно, переход от одного исторического цикла (мировой цивилизации) к другому происходил неодновременно в разных регионах Земли. В разное время выделялись так называемые эпицентры исторического прогресса, по которым и определяется время смены мировых цивилизаций. В период первого суперцикла мировых цивилизаций (неолитическая, раннеклассовая и античная: VIII тыс. до н.э. – сер. I-го тыс. н.э.) эпицентр находился в средиземноморско-ближневосточном регионе. Именно здесь возникли и существовали цивилизации Древнего Двуречья, Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима.

На территории Беларуси в силу ряда причин, главной из которых являлся, конечно, природно-климатический фактор, неолитическая цивилизация стала формироваться только с V-го тыс. до н.э. В это время началась эпоха неолита, но признаки собственно «неолитической революции» проявляются гораздо позже:

- переход к производящему хозяйству завершается на ру-

беже III-II тыс. до н.э.;

- отделение ремесла от сельского хозяйства и последующий процесс дифференциации кровнородственной общины происходит ещё позднее – в железном веке (сер. I-го тыс. н.э.).

Произошедшие изменения в технологической и экономической базе свидетельствовали об утверждении неолитической цивилизации. Таким образом, можно говорить о затянувшемся периоде «неолитической цивилизации», но нельзя выделить раннеклассовую и античную цивилизации.

Начиная с III-го тыс. до н.э. общественный прогресс на территории Беларуси был ускорен воздействием более развитых «локальных цивилизаций» (переселением индоевропейцев, прародиной которых является Передняя Азия) и великим переселением народов (приходом славян в V – VI вв. н.э.). Развившиеся в последующее время контакты с Византией, наследницей культуры античности, помогли Беларуси и России «проскочить» цивилизации первого суперцикла и практически одновременно с европейскими народами, от которых они отставали в развитии на несколько веков, а то и тысячелетий, подойти к средневековой цивилизации.

Если согласиться, что главными признаками средневековой цивилизации являются: господство феодальных отношений и мировых религий, а также существование феодальных монархий, то следует признать, что средневековая цивилизация стала утверждаться на белорусских землях в IX-м веке (на три столетия позже, чем в Западной Европе).

Феодальные отношения на белорусских землях формировались по скандинаво-русскому пути, характерному для народов, которые не знали рабовладения и переходили к феодализму непосредственно от первобытнообщинного строя. Духовная жизнь находилась под мощным воздействием восточно-средиземноморской цивилизации благодаря принятию христианства восточного типа — православия. Феодальная монархия эволюционизировала от вечевой демократии к неограниченной монархии (Великое княжество Литовское времён Гедимина, Ольгерда и Витовта — XIV – XV вв.) и далее к сословно-представительной монархии (ВКЛ времён Казимира и Александра — конец XV – XVI вв.). Этот путь эволюции был своеобразен и существенно отличался как от русского, так и от западноевропейского пути. [2]

Ковалева Наталья Николаевна. Кандидат исторических наук, зав. каф. социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.